

Ищенко, Василий Петрович

Россия, Ставропольский край

Март 2009 г.

(В сокращенном виде)

Уважаемые господа Готтфрид Эберле, Эберхард Радзувайт, Дмитрий Стратиевский!

Выражую глубокую благодарность обществу КОНТАКТЫ за помощь и заботу о людях, пострадавших от фашистского режима. Особенно радует тот факт, что вы помните о тех ужасах, которые пережили два великих народа, русские и немцы, и пытаетесь восстановить справедливость. Спасибо вам, будьте здоровы и счастливы.

Вы просите рассказать, как сложилась моя фронтовая судьба, как жил после войны и живу сейчас. Трудно, конечно, вспомнить весь ужас плена. Многое стерлось из памяти. Но все забыть невозможно.

21 января 1943 г. 585-ый стрелковый полк освободил от фашистов мое родное село Труновское. Полк понес большие потери, и командование приняло решение пополнить состав за счет местного населения. Призвали и меня. Мне на тот момент было 18 лет.

Собрали нас. Мы дошли до Ростова. И здесь случилось то, о чем страшно вспоминать до сих пор. Мы переходили Дон по льду на заре. Было тихо, спокойно. Разлив широкий, красиво вокруг. Когда полк полностью вошел на лед, гитлеровцы дали сильнейший артиллерийский залп. Затем нас стали бомбить с самолетов. Мы поняли, что это место хорошо пристрелено. Промахов не было. Выстрелы, крики, стоны тонущих людей. Ад перед глазами. Сколько всего в живых остались, не знаю. Прорывались группами. Нас было четверо: командир батальона и трое бойцов. Мы отстреливались. Командир был тяжело ранен осколком снаряда. Было это утром. А вечером враг начал занимать оборону, и нас обнаружили. Так я оказался в плену.

Допрашивали отдельно: вначале командира, потом нас. Били жестоко, долго. Места живого не осталось. Пытались добиться признания, что мы офицеры. Выглядели мы не по-военному: нестрижены были, в гражданской одежде, переодеться в военную форму не успели. А с такими чубами позволительно было ходить только офицерам. Вот из нас и выколачивали признание. Так бы и забили, если бы командир не сказал, что мы только что призванные солдаты. Потом привезли нас в тыл, на станцию Сартана. 8 суток не кормили. Здесь я прошел еще один круг ада. Фронт приближался, и лагерь начали эвакуировать. Выстроили в три шеренги и объявили, чтобы вышли из строя больные и раненые. У меня были обморожены ноги, передвигался с трудом, поэтому решил выйти. Но стоящий рядом солдат шепнул, что тех, кто останется, расстреляют. Так что можешь-не можешь, но идти надо. Через какое-то время подъехал грузовик, и нас, 30 человек, увезли в Мариуполь. Там был большой лагерь. Еще больше ужаса. Русские полицаи забивали насмерть, кирками рубили насеквоздь. С февраля по май были в этом аду. Советские войска подходили к Мариуполю. Фашисты начали жечь город. Нас погрузили вагоны и повезли в огромный лагерь в Шепетовку. Оттуда попали в Падеборн в Германию. В лагере разбили по боксам, по командам. Я попал в малую

команду, 32 человека. Прошел медкомиссию. Ознакомили с правилами поведения. Особо указали на запрет общения с местным населением. Потом посадили в автобус и повезли в г. Бракель. Конвойный сообщил, что дальше нужно пройти где-то 7 км. Поразило тогда, что он говорил с нами не как с врагами, а по-хорошему, по-человечески. Долго шли. Вечером оказались в селении Эркельн. Местные жители разобрали нас по дворам. Я попал в семью Вульф. Элизабета Вульф не разу не дала мне почувствовать, что я враг. Хотя в это время два ее сына были на фронте. Позже я познакомился и с ним. Хорошие порядочные люди.

Спасибо им!

Со слов охраны мы знали, что вышел приказ Гитлера о расстреле всех военнопленных. В апреле 1945 г. нас стали собирать. 15 апреля остановились на ночлег в лесу. Утром увидели, что гитлеровцы разоружаются, бросают обмундирование и уходят кто куда. Также сделали и наши конвоиры. Один из них, немного говоривший по-русски, привел нас в город, где находились американцы. Здесь мы были освобождены. Позже нас по Эльбе привезли до места, где нас встретили советские солдаты и офицеры. Распределили по частям. Я попал в 1018-ый стрелковый полк. Служил еще два года до 1947 г. Вернулся на Родину. А в родном доме меня оплакивали. Получили извещение, что я погиб 8 февраля 1943 г. и похоронен на хуторе Красный Маяк. Вот так сложилась моя военная судьба.

У нас пять внуков, недавно родилась правнучка. Все у меня, как необходимо человеку: и дом построил, и не только себе, но и сыновьям, и детей воспитал, и сад вырастил. Живу нормально, не жалуюсь. Дети рядом, добрые люди не забывают. И знаю точно, что таких добрых людей в мире огромное количество. Они не допустят беды, помогут, не забудут. Ваша забота тому пример. Еще раз огромное спасибо. Храни вас Бог!

С уважением, Ищенко Василий Петрович